

В ПОИСКАХ ХРИСТИАН И ПРЯНОСТЕЙ

Найджел КЛИФ

ЭПИЧЕСКИЕ ПЛАВАНИЯ ВАСКО ДА ГАМЫ
И
СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Найджел Клифф
В поисках христиан и пряностей
Серия «Страницы истории (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8371577
В поисках христиан и пряностей : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083378-8

Аннотация

Васко да Гама.

Один из величайших мореплавателей «эпохи Великих географических открытий».

Человек, открывший для европейцев морской путь в Индию.

Появление португальских мореплавателей в этой стране по сути явилось первым столкновением двух цивилизаций. Как же складывались непростые отношения их представителей, когда каждая из сторон вполне искренне (и, главное, не без оснований) считала другую «варварской»?

Найджел Клифф не идеализирует и не демонизирует ни одну из сторон, – тем интереснее читать его превосходно написанную, многогранную и увлекательную книгу...

Содержание

Пролог	4
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	49
Глава 5	64
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Найджел Клифф

В поисках христиан и пряностей

Пролог

Уже спускались сумерки ¹, когда у побережья Индии появились три незнакомых корабля, но рыбаки на берегу все же смогли разобрать их очертания. Два больших были толстобрюхими, как киты, с выпирающими боками, круто уходящими вверх, чтобы дать опору мощным деревянным башням на носу и корме. Деревянные корпуса посерели от воды и ветров и с обеих сторон щетинились чугунными орудиями – точь-в-точь щупальца на огромной каракатице. Огромные квадратные паруса вздувались в темнеющее небо, и каждый был больше предыдущего, и каждый венчался капором-топселем, так что вся оснастка походила на семейство призрачных великанов. Было что-то упоительно современное и гнетуще первобытное в этих чужаках, но уж точно никто ничего подобного не видел.

На берегу подняли тревогу, и группки людей стащили на воду четыре длинные узкие лодки. Подойдя на веслах поближе к чужакам, они разглядели, что на каждом куске парусины играют огромные алые кресты.

– Из какой вы страны? – крикнул старший среди индусов, когда лодка подошла к борту ближайшего корабля.

– Из Португалии! – крикнул в ответ матрос.

Оба говорили по-арабски, на языке международной торговли. При этом у гостей было перед местными преимущество. Индусы ничего не слышали про Португалию, узкую полоску земли на самой западной оконечности Европы. А вот португальцы уж точно про Индию знали и, чтобы попасть туда, совершили самое дальнее и опасное путешествие, каких не было в истории.

Стоял 1498 год. Десять месяцев назад небольшая флотилия подняла паруса в Лиссабоне, столице Португалии, ради того, чтобы изменить мир. Сто семьдесят человек отплыли с наказом открыть морской путь из Европы в Азию, разведать древние тайны торговли пряностями и найти давно потерянного христианского короля, управлявшего сказочной восточной страной. А за этим перечнем невероятных задач крылась другая, поистине грандиозная миссия: установить связь с восточными христианами, нанести сокрушительный удар по мощи ислама и подготовить путь к завоеванию Иерусалима, самого святого города на свете. Но и это была не конечная цель: ибо если они преуспеют, их предприятие станет началом конца, призывным сигналом ко Второму Пришествию и Страшному суду, который, несомненно, за ним последует.

Время покажет, станут ли эти поиски земли обетованной чем-то большим, нежели пустой мечтой. Пока же мысли моряков занимало главным образом примитивное выживание. Станный и разношерстный люд собрался в этом путешествии в неведомый край. Среди них были закаленные искатели приключений и галантные рыцари, африканские рабы и клирики-затворники, а еще преступники, так искуплявшие свои грехи. Все они уже провели в неприятно тесном соседстве 317 дней. Начав плавание по огромной дуге по Атлантическому океану, они месяцами не видели ничего, кроме бескрайней воды. Когда они наконец достигли южной оконечности Африки, аборигены стали в них стрелять, нападали из засады и пытались брать на abordаж их корабли среди ночи. У них заканчивались вода и провизия, их косили загадочные недуги. Они боролись с сильными течениями и штормами, стремивши-

¹ Об использованных источниках сведений о первом плавании да Гамы см. комментарии к гл. 7.

мися разбить корабли и порвать паруса. Еще дома их заверяли, что они делают Божье дело и что им спишутся все грехи. Однако даже самых закаленных моряков обуревали болезненные суеверия и предчувствия неминуемой гибели. Они понимали, что смерть может притаиться за распухшей десной или незамеченным рифом, но и смерть была не самой страшной участью, какую рисовало разгоряченное воображение. Засыпая под незнакомыми звездами и входя в неизвестные воды, которые картографы заселили зубастыми чудовищами, они страшились потерять не жизнь, а свои души.

На взгляд индусов, чужаки с их длинными грязными волосами и обветренными немывыми лицами мало чем отличались от пиратов самого худшего пошиба. Впрочем, их недоверие быстро развеялось, когда пришельцы стали покупать огурцы и кокосы по завышенным ценам, и на следующий день четыре лодки вернулись, чтобы провести флот в порт.

Такой тест заставил бы разинуть рот самого бывалого моряка.

Для христиан Восток был колыбелью и праисточником известной им цивилизации. Его летописью была Библия, духовной столицей – Иерусалим, существующий как бы одновременно на небесах и на земле, а в Райском саду (который, как истово верили, цветет где-то в Азии) видели источник всяческих чудес. Говорили, что крыши у восточных дворцов из золота, а в тамошних лесах обитают не подвластные огню саламандры, самоуничтожающиеся фениксы и пугливые единороги. Воды восточных рек будто бы выносят на берег драгоценные камни, а с деревьев падают редкие пряности, которые исцеляют любые недуги. На Востоке будто бы бродят люди с собачьими головами, прыгают взад-вперед или сидят, укрывшись под своей единственной ногой от солнца, люди одноногие. Лощинки и ущелья там засыпаны алмазами, которые охраняют змеи и добыть которые могут лишь стервятники. Иными словами, смертельные опасности подстерегали на Востоке повсюду, но от того его сверкающие богатства становились тем более манящими.

Так, во всяком случае, утверждалось, но действительности не знал никто. Столетиями ислам практически блокировал Европе доступ на Восток, столетиями пьянящая смесь слухов и сказок бурлила, заменяя место реальных фактов. Многие погибли, стараясь отыскать правду, и теперь момент истины внезапно настал. Перед матросами раскинулся внушительный порт Каликут, международный рынок, переполненный восточными богатствами, перевалочный пункт на оживленных путях мировой торговли.

Никто не спешил первым сойти на берег. Враждебность предчувствовалась, и заглушить это чувство было нелегко. В конечном итоге побороть страх возложили на одного из тех, кого взяли на борт ради опасной работы.

Первым европейцем, проделавшим огромный путь до Индии и ступившим на ее берега, был осужденный преступник.

Люди в лодках отвезли его напрямик в дом двух мусульманских купцов из Северной Африки, самого западного места, какое они знали. Купцы происходили из древнего портового города Туниса и, к удивлению гостя, бегло говорили и на испанском, и на итальянском языках².

– Черт бы вас побрал! Что привело вас сюда? – воскликнул по-испански один.

Уголовник выпрямился во весь рост.

– Мы приплыли, – величественно ответил он, – в поисках христиан и пряностей.

На борту флагманского корабля Васко да Гама с нетерпением ждал новостей. Португальский командор был среднего роста, крепкий и кряжистый, с багровым угловатым лицом, как будто сваренным из медных пластин. По рождению он принадлежал к придворному дворянству, хотя из-за нависающего лба, крючковатого носа и жесткого изгиба чувственных губ

² Точнее, купцы говорили на кастильском и генуэзском диалектах: на основе первого развился современный испанский язык, а на втором до сих пор говорят в Генуе и ее окрестностях.

походил скорее на вожака пиратов. Ему было всего двадцать восемь лет, когда ему вверили упования и мечты целой страны, и хотя такой выбор всех удивил, люди под его началом уже научились уважать его за смекалку и храбрость и бояться его вспыльчивости.

Когда он осматривал свои плавучие владения, взгляд его больших острых глаз не упускал ничего. Неиссякаемое честолюбие вкупе с железной волей провели его через опасности и переместили на расстояния, которых никто еще не преодолевал. При этом он понимал, что величайшая рискованная игра только-только начинается.

Вопрос в основе этой книги не давал мне покоя несколько лет до того, как сама книга начала обретать форму. Как и многих из нас, меня сбивало с толку вторжение религиозной войны в нашу повседневную жизнь, и чем больше я узнавал, тем больше убеждался, что нас затягивает в давний конфликт, из-за которого у нас развилась коллективная амнезия. Мы привыкли считать, что миром правит не религия, а разум, что войны ведутся из-за идеологии, экономики и непомерного эго, но не из-за веры.

Нас поймали на том, что мы проспали кусок истории, а сама история идет тем временем своим чередом. Победный марш прогресса – сказочка, которой потчуют себя победители; у побежденных память длиннее. На взгляд современных исламистов, которые видят свою борьбу не в том, чтобы прийти к соглашению с Западом, а в том, чтобы его победить, конфликт породили события пятивековой давности. Тогда в Западной Европе был уничтожен последний мусульманский эмират, тогда Христофор Колумб высадился в Америке, а Васко да Гама прибыл на Восток. Три этих события пришлось на одно бурное десятилетие, и их тесно переплетшиеся корни уходят глубоко в наше общее прошлое.

За семьсот лет до того поворотного десятилетия завоеватели-мусульмане проникли далеко в глубь Европы. На западной ее оконечности – на Пиренейском полуострове – они основали прогрессивное исламское государство, и это государство сыграло кардинальную роль в высвобождении Европы из-под гнета темных веков. Однако когда и христиане, и мусульмане в равной мере начали забывать, что бог, которому они поклонялись каждый на свой лад, по сути один и тот же, на Пиренейском полуострове запылали костры священной войны. Они пылали неистово, пока португальцы и испанцы создавали свои королевства на землях, отобранных у мусульманских стран, и все еще горели, когда португальцы отправились в эпохальный поход, чтобы преследовать своих прошлых господ через половину земного шара, – и как раз эта грандиозная миссия положила начало эпохе Великих географических открытий Европы.

Совпадение во времени было далеко не случайным. Столетиями история шагала с Востока на Запад, и накануне эпохи Великих географических открытий ритм ее барабанного боя убыстрялся. В середине XV века величайший город Европы пал под натиском ислама³, и мусульманские солдаты вновь готовились выступить в поход, чтобы вторгнуться в сердце старого континента. В эпоху, когда никто не подозревал, что новый континент только и ждет, чтобы его открыли, мечты христианства о спасении сосредоточились на достижении Востока: в исполненных горечи фантазиях европейцев Азия превратилась в сказочное королевство, где будет выкован союз против извечного врага и наконец осуществлена мечта о вселенской церкви.

Крошечная Португалия поставила перед собой поистине геркулесову задачу: покрыв океаны, обойти ислам с фланга. По мере того как перед первым плаванием Васко да Гамы накапливались коллективные старания поколений, к гонке поспешила присоединиться Испания. Поскольку ей требовалось нагонять соседей, она решила поставить на итальянского искателя приключений Христофора Колумба. В 1498 году, когда Васко да Гама отплыл

³ Имеется в виду захват турками-османами Константинополя в 1453 году. – *Примеч. ред.*

на восток к Индийскому океану, Колумб взял путь на запад и в конечном итоге достиг материковой Америки.

Оба путешественника искали один и тот же трофей: морской путь в Азию, однако достижения Васко да Гамы надолго отошли в тень грандиозной ошибки Колумба. Теперь, когда мы возвращаемся в тот мир, каким он был в их эпоху, в мир, где все дороги вели на Восток, мы наконец можем восстановить равновесие. Плавания Васко да Гамы были прорывом в вековой кампании христианства пошатнуть исламское владычество в мире. Они кардинальным образом изменили отношения между Востоком и Западом и провели раздельную черту между эпохами господства мусульман и христиан – тем, что мы на Западе называем Средними веками и Новым временем⁴. Разумеется, они – еще не вся история, но составляли много большую ее часть, чем нам хочется помнить.

Эпоху Великих географических открытий обычно преподносили как бескорыстный рыцарственный поход с целью раздвинуть границы человеческого познания. Сегодня ее объясняют как стремление изменить баланс мировой торговли. Она была и тем, и другим: она преобразила представления Европы о ее месте в мире и дала толчок глобальному сдвигу в мировой расстановке сил, который не закончился и по сей день. Но это было не просто новой стадией, это была осознанная попытка свести старые счета. Васко да Гама и его люди жили в мире, разорванном надвое религией, где война с неверными считалась высочайшим призванием человека чести. Как давали понять всем и вся кроваво-красные кресты на парусах первооткрывателей, они отправлялись на новую священную войну. Им говорили, что они прямые наследники четырех веков крестоносцев, рыцарей-паломников, обнажавших мечи во имя Иисуса Христа. Они получили наказ нанести решающий контрудар по исламу и возвестить начало новой эры – эры, когда вера и ценности Европы будут экспортироваться во все уголки земли. Это стало главной причиной, почему несколько десятков человек в деревянных лоханях отплыли за край известного мира – и в современную эпоху.

Чтобы понять страсти, гнавшие европейцев в дальние моря и сформировавшие наш сегодняшний мир, нужно вернуться к истокам. История начинается среди изъеденных ветрами песчаных барханов и опаленных солнцем предгорий Аравийского полуострова с рождением новой религии, которая стремительно ворвалась в самое сердце Европы.

⁴ Историки предлагали множество дат на роль конца Средневековья; два основных кандидата: 1453 год – год падения Константинополя и 1492 год – год первого плавания Колумба. Если в Средние века в европейском сознании преобладала тема упадка Европы и подъема ислама, то в Новое время ее место занял глобальный подъем христианского Запада. С этой точки зрения кажется не вполне логичным отсчитывать Новое время с 1453 года, момента падения последнего бастиона античного мира под натиском Османской империи. Колумб достиг континента Америка не ранее августа 1498 года, и прошло несколько десятилетий, прежде чем стало ясно значение его открытия. Васко да Гама прибыл в Индию в мае 1498 года, и, на мой взгляд, именно его достижение позволило Европе счесть, что историческая эпоха наконец сменилась.

Часть I Истоки

Глава 1 Восток и запад

Когда Мухаммед ибн Абделлах впервые услышал слово Божье в 610 году или около того, он вовсе не намеревался строить всемирную империю.

Он даже засомневался, в здравом ли он уме.

– Укройте меня, укройте меня! – сказал, жалостно дрожа, сорокалетний купец, когда подполз к жене, которая набросила на него плащ и, прижав к себе, гладила по волосам, пока он плакал. Он медитировал в обычной своей пещере под Меккой – роскошь, которую мог себе позволить благодаря женитьбе на вдове пятнадцатью годами себя старше, – когда появился ангел Джабраил, поверг его в мучительный и восторженный транс и передал ему послание бога. Мухаммед пришел в ужас, решив, что лишился рассудка, и подумывал, не броситься ли ему со скалы. Но голос возвращался снова и снова, и три года спустя Мухаммед начал проповедовать народу публично. Постепенно сложилась догма: вера Авраама и Иисуса истинная вера⁵, но она была искажена. Есть только один бог, и он требует «ислам» – то есть полного повиновения законам Аллаха.

Это не сулило ничего хорошего правителям Мекки, разжиревшим на религиозном туризме в городе с 360 храмами. Мекка возникла вокруг затененного пальмами оазиса в Хиджазе, знойной пустыне с одноименным горным хребтом, которая тянется через Аравийский полуостров вдоль побережья Красного моря. Ее духовный авторитет исходил от Каабы, приземистого святилища кубической формы, где находились основные идолы арабов. Каждый год из пустыни материализовывались орды паломников, накатывали на священный город и семь раз обходили каменный куб, стремясь поцеловать каждый угол, прежде чем напор страждущих унесет их прочь. Со временем одно местное племя – курайшиты, – воспользовавшись своим положением защитников Каабы, начали выжимать все соки из коммерческой жизни Мекки, и поначалу откровения Мухаммеда были обращены непосредственно против них. Алчные курайшиты, обвинял он, разрывают эгалитарные узы арабского общества: они эксплуатируют слабых, порабащают бедных и пренебрегают своим долгом заботиться об обездоленных и угнетенных. Господь это увидел, и все они отправятся в ад.

Разъярили курайшитов не слова Мухаммеда о единственном милосердном боге и даже не его притязание на то, что он выступает рупором этого бога. К северу от Мекки уже несколько столетий существовало государство арабов-христиан, и в самой Каабе статуи Иисуса и Марии гордо стояли среди прочих идолов. Эмигрировавшие в Аравию евреи оказывали свое влияние и того дольше: так же, как и евреи, арабы считали себя потомками Авраама, через его первенца Исмаила, и многие отождествляли своего верховного бога с богом евреев. Во времена Мухаммеда по пустыням бродили поэты-проповедники, требуя от соплеменников отречься от идолопоклонства и вернуться к чистому монотеизму своих отцов. Идея единого бога не вызвала бы ни споров, ни распрей, зато уникально неприемлемым стало то, что Мухаммед был, что называется, своим. Его семейный клан Хашим – или

⁵ Иудеи вели свой род от Исаака, сына Авраама, и его жены Сары, мусульмане – от Исмаила, сына Авраама от египтянки Агари, рабыни Сары. Согласно арабской традиции, Авраам восстановил Каабу (основанную Адамом и перестроенную Ноем), когда навещал Агарь и Исмаила, изгнать которых его заставила ревнивая жена.

хашимиты – был малозначительной ветвью курайшитов. Сам Мухаммед был уважаемым купцом и пусть не самым видным, но крепким столпом общества, и он обратился против своих.

Курайшиты испробовали все – от подкупов и бойкотов до попыток дискредитировать докучного проповедника – и наконец прибегли к тайному покушению. Мухаммед едва-едва успел выскользнуть из дому и, улизнув от клинков убийц, сбежал в отдаленное оазисное поселение, которое станет известно как Медина. Там, по мере того как росло число его последователей, он построил новую общину, о которой мог только мечтать в Мекке, – «умму», или общину равных, объединенных не узами родства, а союзом веры, и подчиняющуюся законам, дававшим беспрецедентные права женщинам и перераспределявшим богатства среди тех, кто нуждался более всего. Откровения следовали одно за другим, и он начал верить, что бог избрал его не только произнести предостережение, но и нести благую весть всему человечеству.

Но чтобы его весть распространилась, надо было сперва рассчитаться с Меккой. Восемь лет ожесточенных войн с курайшитами щедро полили кровью ростки ислама. В самый черный час, с разбитым в кровь лицом Мухаммеда утащил с поля боя его собственный воин, а остатки его армии спас, заставив обратиться в бегство, только слух о его смерти. Дух уммы был сломлен, и приблизительно в это время Мухаммед дал своим воинам обещание, которое эхом отдастся в истории. Погибшие в битве – так было явлено ему – будут вознесены в высочайший круг Рая: «Они будут проживать вместе в мире, среди садов и фонтанов, облаченные в богатые шелка и тонкую парчу... Мы сочетаем их с большезлыми черноокиими гуриями»⁶.

Мусульмане – «те, кто повинуется» – цеплялись за свою веру, и сама эта стойкость наперекор всем бедам представлялась знаком божьей милости. Решающим моментом стала не победа на поле битвы, а зрелищный и крайне успешный ход по манипуляции мнением общества. В 628 году Мухаммед внезапно объявился под Меккой с тысячько безоружных паломников и заявил о своем законном праве араба поклоняться в Каабе. Пока он торжественно совершал ритуалы, а курайшиты хмуро стояли поодаль, правители Мекки вдруг показались скорее глуповатыми, нежели неуязвимыми, и оппозиция пошла на спад. В 630 году Мухаммед вернулся с воинством последователей. Он снова семь раз обошел храм, повторяя нараспев: «Аллах акбар!» – «Бог велик!» – потом вошел внутрь, вынес идолов и разбил их вдребезги на земле.

На момент своей смерти два года спустя Мухаммеду удалось то, о чем не мог даже мечтать ни один исторический лидер: он основал процветающую новую религию и расширяющееся новое государство, причем первая была неотделима от второго. Менее чем за год армии ислама сокрушили арабские племена, не принявшие новый порядок, и впервые в истории Аравийский полуостров был объединен под властью одного правителя и одной веры. Подстегиваемый религиозным рвением, новообретенной общей целью и отрадной альтернативой – либо огромная добыча при жизни, либо вечное блаженство после смерти, – новый богоизбранный народ начал оглядываться по сторонам.

И увидел две сверхдержавы, которые, не жалея сил, стремились стереть с лица земли друг друга.

Более тысячи лет Восток и Запад противостояли на берегах реки Евфрат в Месопотамии, плодородной земли, издавна известной как колыбель цивилизации, – сегодня она находится на территории Ирака. На Востоке лежала прославленная Персидская империя, хранительница древней утонченной культуры и первой основанной на откровениях мировой религии, монотеистической веры жреца-визионера Заратуштры (эта религия стала известна

⁶ Цитируется по: N.J. Dawood, trans. The Koran: With a Parallel Arabic Text (London: Penguin, 2000), 497.

по латинизированной форме его имени Зороастр как зороастризм), который за столетия до рождения Христа проповедовал о сотворении и воскресении, спасении и апокалипсисе, рае и аде и о рожденном от девственницы Спасителе. Возглавляемые великим шахиншахом – буквально «царем царей», – персы были застарелыми противниками греков, пока Александр Македонский не разгромил их армии. Когда Персия восстановила утраченное могущество, эта империя попросту перенесла свою вражду на преемников греков римлян. Древнее противостояние стало формирующим столкновением Востока с Западом, и в 610 году, как раз когда Мухаммед получал первые свои откровения, наконец выплеснулось в тотальную войну.

Пока волны варваров бушевали на границах Западной Европы, на восточной ее окраине император Константин построил новый Рим. Сверкающий Константинополь высился над Босфором, стратегической полоской воды, ведущей от Черного моря к азиатскому Средиземноморью. Запершись за неприступными стенами, наследники Константина беспомощно смотрели, как персы завоевывают их восточные провинции и продвигаются к священному Иерусалиму. Давным-давно римляне до основания снесли иудейский Иерусалим, и на месте, отождествляемом со страстями Христа, вырос новый город; первый император Константин лично возвел храм Гроба Господня на предполагаемом месте распятия, погребения и воскресения Христа ⁷. Теперь же страдания христиан сделались почти апокалиптическими, когда персы увезли Честной и Животворящий Крест Господень, на котором, как полагалось, умер Христос, равно как и священные Губку и Копье и патриарха города, оставив по себе Гроб Господень дымящимся и опустелым на фоне черных от дыма небес ⁸.

На последнем издыхании Восточная Римская империя постаралась дать персам отпор и вышла победительницей, а Персия погрязла в гражданской войне. Но и победители были истощены. Византийские города были разорены и переполнены беженцами, сельское хозяйство понесло огромный ущерб, торговля практически замерла, а граждане провинций ужасно страдали от непомерных налогов, которыми оплатили имперское избавление. В период бурных религиозных полемик ⁹ наибольший урон наносило безжалостное стремление Константинополя навязать всем странам свою ортодоксальную версию христианства. Скормив для начала христиан львам, римляне перешли к преследованию всех, кто отказался следовать официальному курсу, и на огромном пространстве Восточного Средиземноморья

⁷ Место было обнаружено Еленой, матерью императора Константина, которая в 325 году отправилась на поиски реликвий и чудесным образом разыскала части (Честного) Креста Господня, на котором, как предполагалось, умер Иисус Христос, гвозди, которыми были прибиты его руки и ноги, и – по некоторым версиям – святую тунику и веревку, которой он был привязан к кресту. Кое-какие находки отправились с ней домой, включая два гвоздя, один из которых в конечном итоге был закреплен на шлеме Константина, а другой – в поводьях его коня; прочие были оставлены для размещения в новом храме. Поскольку, согласно традиции, Христос был распят именно на том месте, где был похоронен череп Адама, считалось, что храм включает в себя также гробницу первого человека. См.: Collin Morris. *The Sepulchre of Christ and Medieval West* (Oxford: Oxford University Press, 2005).

⁸ Персы разграбили Иерусалим в 614 году, а в 70 году римляне подавили массовое восстание иудеев, сожгли Второй храм, снесли город до основания и перебили или вывезли практически все население; с тех пор иудеям не позволялось жить в городе Давида. В первый раз иудеи объединились с персами, чтобы дать выход накопленной за 544 года мести, но были снова перебиты, когда вернулись римляне; вскоре они с большим успехом объединяются с арабами. Имеются в виду византийцы, которые при императоре Ираклии в 625–628 годах отвоевали территорию Палестины и Иерусалим у персов. – *Примеч. ред.*

⁹ Главным яблоком раздора служил спор о точной мере божественной природы Христа. Позиция ортодоксального православия, выработанная на череде вселенских соборов, гласила, что Иисус родился полностью божественным и полностью смертным, то есть в едином совершенном существе объединились две различные ипостаси. Многие подданные империи имели собственное мнение. Ариане отрицали божественную природу Христа, монофизиты – его человеческую природу, несториане утверждали, что он есть две сущности, одна божественная, другая смертная, а прочие группировки придерживались версий о различных промежуточных состояниях. Один за другим императоры постановляли, что единая империя требует единой веры, и обвиняли несогласных в ереси. Одержавший победу над Персией император Ираклий в поисках компромисса снова поднял этот рискованный вопрос, но возникшее в результате течение монофелитизм, провозгласившее, что Иисус имел две природы, но только одну безгрешную волю, не удовлетворило никого и уже через пятьдесят лет было отвергнуто как еретическое.

от Армении на севере и до Египта на юге диссиденты среди христиан скорее приветствовали перспективу нового режима¹⁰.

С поразительным апломбом арабы напали на обе древние империи разом.

В 636 году одиннадцать столетий мощи Персии закончились атакой ревущих слонов на поле, возле которого позднее возникнет Багдад. «Горе этому миру, горе этому времени, горе этой судьбе, – будет сетовать национальный эпос Ирана, – раз нецивилизованные арабы явились обратить меня в мусульманство»¹¹. Исламу открылась дорога на север до Армении, на северо-восток до азиатских степей, граничащих с Китаем, на юго-восток до Афганистана и на восток в Индию. В том же году арабская армия разгромила во много раз превосходящие ее византийские войска в битве при Ярмуке и аннексировала Сирию, где на пути в Дамаск обратился в христианство Савл из Тарса и где, приняв имя Павел, основал в Антиохии первую христианскую общину. В следующем году был взят измором и открыл свои ворота завоевателям нового толка Иерусалим¹² – всего через восемь лет после того, как византийцы победно вернули Крест Господень на его законное место. Разрываемый различными вероисповеданиями город был священным для ислама в той же мере, что и для иудаизма, и столетия борьбы иудаизма и христианства за священные места уступили дорогу столетиям столкновений между мусульманами и христианами.

Четыре года спустя арабы завоевали сказочный плодородный Египет, самую богатую из всех византийских провинций. Пока Константинополь бессильно наблюдал, свирепые пустынные племена, которые он презрительно именовал сарацинами¹³ – «народом шатров»¹⁴, – захватили все земли, которые он отвоевал так недавно и такой дорогой ценой. По мере того как рушились под натиском ислама империи и царства, даже епископы начали задаваться вопросом, не получил ли Мухаммед наказ свыше¹⁵.

Из Египта мусульманские армии маршем отправились на запад по средиземноморскому побережью Африки, и тут их, казалось бы, неостановимый натиск неожиданно захлебнулся.

Проблемы были отчасти внутреннего порядка. Мухаммед умер, не назвав своего преемника и даже не оставив четких инструкций, как этого преемника следует избирать. Вскоре вспыхнули застарелые распри, обостренные борьбой за военную добычу, тянувшуюся бесконечными обозами по пустыням и неизменно оказывавшуюся в руках курайшитов, того самого племени, чью монополизаторскую алчность так резко обличал Мухаммед. В резуль-

¹⁰ Столетия спустя главы независимых Восточных церквей, уцелевших при исламе, все еще видели в арабах спасителей. «Бог отмщения, – писал в XII веке один патриарх сирийской православной церкви, – узрев злобу греков, которые жестоко грабили наши церкви и монастыри там, где господствовали, и безжалостно нас притесняли, привел нам в избавление сынов Исмаила с юга». Михаил Сириец, цитируется по: Stephen O'Shea. *Sea of Faith: Islam and Christianity in Medieval Mediterranean World* (London: Profile, 2006), 52.

¹¹ Цитата из великой эпической поэмы «Шахнаме», или «Книга царей», Фирдоуси, написанной на рубеже I тысячелетия н. э. Персидская аристократия, хотя и приняла достаточно быстро ислам, еще долго питала неприязнь к арабской культуре и вспоминала великолепие доисламской Персии.

¹² Город пал в апреле 637 года. Согласно традиции, преемник Мухаммеда Умар, одетый в лохмотья, въехал в Иерусалим через Ворота Покаяния на белом осле (верблюде). Он спросил у патриарха, где молился царь Давид, и его привели к Храмовой горе, которую, как он обнаружил, давно уже использовали под свалку. Собрав христиан, Умар заставил их расчищать мусор и на свободном месте воздвиг простую деревянную молельню, которая позднее будет заменена на мечеть Аль-Акса (см. гл. 2).

¹³ Термин «саракеной», или «сарацины», первоначально употреблялся для обозначения неарабских народов Северной Аравии, но со временем его стали применять к арабам, а потом ко всем мусульманам. Его этимология не вполне ясна, но к IV веку историк Аммиан Марцеллин писал, что он используется для обозначения пустынных кочевников этого региона.

¹⁴ Греческие «сарацины» переводится как «восточные люди». – *Примеч. ред.*

¹⁵ Такого страшился, например, армянский епископ Себеос, см.: Alfred J. Butler. *The Arab Conquest of Egypt – and The Last Thirty Years of the Roman Dominion* (Oxford: Clarendon, 1902), Из пяти великих патриархов церкви трое – патриарх Антиохии, патриарх Иерусалима и патриарх Александрии – теперь осуществляли свою деятельность с разрешения мусульманских правителей.

тате внутренних интриг и борьбы за власть первые четыре халифа – «преемника» пророка – были избраны из среды ближайших соратников и членов семьи Мухаммеда, но даже высокий статус не сумел их защитить. Некий взбешенный персидский солдат пырнул кинжалом в живот второго халифа, вспорол его как рыбу, а потом еще ударил в спину, когда тот молился. Группа мусульманских солдат-заговорщиков, разобиженных роскошным образом жизни и неприкрытым nepотизмом третьего халифа, палками забила его до смерти, и в умме вспыхнула гражданская война. Четвертый халиф, которого звали Али – кузен и зять пророка и ближайший его соратник, – получил удар отравленным мечом¹⁶ на ступенях мечети за то, что чересчур уж охотно шел на переговоры с собратьями-мусульманами. Его последователи, твердо уверенные, что Али был богоизбранным преемником Мухаммеда, со временем объединились, став известны как Ший'а Али – «партия Али», для краткости шииты – и окончательно и бесповоротно откололись от прагматичного большинства, которое стало известно по термину для обозначения «пути, указанного пророком» как сунниты.

Из последовавшего затем хаоса возникла первая династия халифов – Омейяды¹⁷, которые перенесли столицу из змеиного гнезда на Аравийском полуострове и почти столетие правили из Дамаска, древнего, космополитичного города в бывшей римской провинции Сирия. Однако новорожденную империю продолжала теснить оппозиция, на сей раз внешняя. В Северной Африке арабские армии на десятилетия увязли в стычках с ордами голубоглазых берберов¹⁸, древнего коренного населения Северной Африки. Берберы устраивали свирепые атаки из своих горных крепостей всякий раз, когда накатывала очередная волна завоевателей, и не собирались изменять своим обычаям только потому, что объявили о своем обращении в новую веру. Атаки берберов возглавляла грозная иудейская царица-воительница, известная арабам как Дакия аль-кахина, или «Пророчица», мчавшаяся на битву с развевающимися огненно-рыжими кудрями и раз за разом отбрасывавшая захватчиков далеко на восток, пока наконец ее не выследила огромная арабская армия. Погибла берберская предводительница, сражаясь, с мечом в руке.

Под конец VII века берберские восстания пошли на спад, и многие берберы пополнили ряды победителей. Всего за несколько десятилетий армии, обрушенные на мир Мухаммедом, неразрывным полумесяцем охватили Средиземноморье до самых берегов Атлантического океана.

Оттуда они взирали на Европу.

С потрясающей быстротой мир совершил полный оборот. Религия, внезапно возникшая в пустынях Востока, готовилась ворваться в ошеломленную Европу с запада. Если бы не буйные берберы, она могла бы бурей пронестись по континенту прежде, чем воюющие между собой племена Европы отвлеклись настолько, чтобы откликнуться на эту угрозу.

Придет время, и оборот совершится снова. Когда западное христианство наконец оправится от шока, борьба будет бушевать уже в самой Европе – и эта борьба погонит Васко да Гама в сердце Востока.

¹⁶ Убийца Али истово верил, что главным качеством духовного вождя мусульман должно быть не происхождение, а исключительно благочестие. Эта простая, пуританская версия ислама станет известна как хариджизм и наиболее прочно пустит корни в Северной Африке. Отдельные ее общины сохранились на Аравийском полуострове и в Африке и по сей день.

¹⁷ Основатель династии Муавия был сыном Абу Абд ар-Рахмана Муавия ибн Аби Суфьяна, влиятельного жителя Мекки, который возглавил атаку на Медину, едва не уничтожившую ислам. Под конец той самой битвы мать Муавии Хинд вырвала печень у дяди Мухаммеда Амзы и ею пообедала. В результате гражданской войны был убит внук Мухаммеда, а сама Кааба сожжена; в конечном итоге прагматическая политика силы зрелищно одержала верх над набожной чистотой.

¹⁸ Берберы, чьи земли тянулись от Нила до Атлантического океана, называли себя «амазиги», то есть «свободные». Они были мастерами в искусстве выживания, а с точки зрения религии их племена представляли собой эклектичную смесь язычников, евреев и христиан. Легенда о пророчице стала предметом многих запутанных дискуссий. См.: Adelmajid Hannoum. Post-Colonial Memories: The Legend of Kahina, A North African Heroine (Westport, CT: Heinemann, 2001).

С незапамятных времен два скалистых пика отмечали самый западный конец известного мира. Древние называли их Геркулесовыми столбами и рассказывали, как могучий герой поднял их, выполняя свое десятое невыполнимое задание. Геракла послали на дальние берега Европы украсть скот у трехголового, шестиногого чудовища Гериона, и расчищая себе дорогу, он разбил гору надвое¹⁹. Через пролом воды единого океана, омывавшего мир, хлынули в Средиземноморье. За этими «столбами» лежали владения извивающегося, меняющего облик Морского Старца²⁰ и затонувшая цивилизация Атлантиды, а обрывки старых легенд терялись в тумане времен и тысячелетних страхах моряков²¹.

Более двух тысяч лет портовый город под названием Сеута стоит, притулившись в тени южного Геркулесового столба. Сеута занимает клочок земли, связанный с северным побережьем Африки горной грядой, известной как Семь вершин²². Маленький перешеек тянется в самое Средиземное море и внезапно обрывается у большого холма, называемого Монте Ачо – Маяковый холм. С его вершины хорошо виден известняковый обрубок Гибралтарской скалы у побережья Испании. Гибралтар, северный из двух Геркулесовых столбов, подарил свое имя бурному проливу, открывающему Атлантический океан. Здесь Африку от Европы отделяют каких-то девять миль воды, и здесь раз за разом с одного континента на другой переходила История.

Сегодня мы считаем Европу и Африку двумя резко отличными друг от друга континентами, разделенными пропастью цивилизации, но до недавнего времени это разграничение не имело смысла. На протяжении столетий людей и товары легче было перевозить по воде, чем по суше, к тому же власть империи и торговля сближали народы Средиземноморья. Финикийские первопроходцы добывали серебро в Испании, а олово – в далекой Британии. Напротив Сицилии они построили легендарный Карфаген и с тем же пониманием стратегической важности узких проливов создали в качестве западного форпоста Сеуту. Вслед за ними пришли колонисты-греки, основывая поселения от Испании до Сицилии и посадив на трон Египта потомков телохранителя Александра Македонского, династию Птолемеев. Затем пришли римляне, сровнявшие с землей Карфаген и укрепившие Сеуту, которую превратили в военный лагерь на краю света. В европейских языках слово Mediterranean (Сре-

¹⁹ Считалось, что Герион обитает на острове Эрифия, вблизи современного Кадиса. По версии историка Аполлодора Афинского, Геракл насыпал две горы в память о своем путешествии. Диодор Сицилийский пишет, что Геракл сузил существующий пролив, чтобы закрыть путь чудовищам из Моря-Океана. Плиний Старший во «Вступлении» к Книге 3-й своей «Естественной истории» писал, что в I веке обитатели побережья верили, будто проход между горами «прорыл [Геракл], и через него хлынули воды, которые до сих пор не допускались, и изменили лик природы». Геркулесовы столбы все еще горделиво высятся на гербе Испании; девиз «Plus ultra» – «Еще дальше: вперед» – в лавровых листьях наводит на мысль о том, что они знаменуют вход, а не преграду.

²⁰ Этот мифический персонаж, идентифицируемый с богом моря Нереем, также появляется в истории об одиннадцатом подвиге Геракла. Это он послал его принести золотые яблоки бессмертия из сада Гесперид, дочерей титана Атласа, который держит на своих плечах небо. Геракл схватил умеющего менять облик Нереея и сжимал его, пока тот не рассказал, где расположен сад, по пути Геракл освободил прикованного Прометея, а взамен узнал, что принести яблоки может только сам Атлас. Геракл предложил Атласу подержать за него небо, пока тот сходит в сад; вернувшись, Атлас попытался обманом заставить Геракла навечно принять его ношу. Геракл попросил Атласа подержать небо, пока он поправит плащ, и сбежал. В другом варианте Геракл построил Геркулесовы столбы, чтобы освободить Атласа.

²¹ Один-два мореплавателя древности все же набрались храбрости. Около 500 года до н. э. карфагенский путешественник Ганнон Мореплаватель проплыл мимо Геркулесовых столбов и скорее всего достиг реки Сенегал, история его плавания изложена в «Перипле» – произведении, представляющем собой перевод на греческий язык текста таблички, которую Ганнон оставил в храме. Геродот кратко упоминает, что некогда финикийский флот, посланный египетским фараоном Нехо, обошел против часовой стрелки Африку; его скептическое упоминание о том, что финикийцы видели солнце справа от себя, когда плыли на запад вокруг южной оконечности Африки, единственное, что придает достоверности этому рассказу, поскольку иных свидетельств в его пользу не существует. Вспоминают эту историю главным образом те, кто стремится связать пирамиды Египта и Мексики.

²² Горная гряда заканчивается пиком высотой три тысячи футов – Джебель-Муса, или Горой Моисея, – это альтернативный кандидат на южный Геркулесов столб.

диземноморье) происходит от латинского выражения, означающего «середина земли», но политическая реальность, равно как и имперская гордость породили более расхожее римское название *Mare Nostrum* – «Наше море». От ощущения этого права собственности римлянам тем невыносимее было видеть, что варвары-вандалы прокатились по Франции и Испании, хлынули через Гибралтарский пролив, прошли по африканским провинциям Рима и вышли в самое Средиземное море, где, заселив более крупные острова, нашли свое призвание в пиратстве и в конечном итоге разграбили сам Рим.

Но какими бы ни были оживленными морские пути, ничто не могло подготовить северные побережья Средиземноморья к событиям 711 года. В том году, стянувшись у Сеуты, мусульманские армии преодолели пролив и на 781 год установили исламское правление в Западной Европе. Возглавлял экспедицию обратившийся в мусульманство бербер по имени Тарик ибн Зияд, и гора, под которой он высадился, была названа Горой Тарика – по-арабски это звучало как Джебал-аль-Тарик, или – для нас – Гибралтар.

В то время Испания, а это название средневековая Европа относила ко всему Пиренейскому полуострову, включая не возникшую еще Португалию, находилась под властью варваров-готов, отобравших ее у вандалов, которые, в свою очередь, отвоевали ее у Рима. За каких-то три года мусульмане сумели прогнать поджавших хвост готов в предгорья на севере, где у тех было в достатке времени поразмыслить над крахом своего государства, который посчитали Божьей карой за греховность правителей²³. Покорив большую часть полуострова, арабские военачальники и их берберские войска хлынули на северо-восток через гористое ожерелье Пиренеев во Францию.

Ставкой было – ни много ни мало – само христианство.

Дважды за первые сто лет существования ислама арабские армии осаждали Константинополь²⁴ и дважды не смогли одолеть его монументальные стены. Дважды город на Босфоре отражал удары огромных флотилий, и дважды арабские боевые корабли ходили несолоно хлебавши по водам, маслянистым от смертоносного нового вещества, называемого греческим огнем. Константинополь теперь превратился в восточный оплот съезжившегося и немощного христианства и не собирался сдаваться. Вторжение в Испанию началось как отчаянная попытка захватить хотя бы клочок земли, раз представилась такая возможность, но уже вскоре этим вторжением стали руководить из самого сердца исламской империи. Его предводители планировали пройти по всей Европе, аннексировать земли, брошенные на произвол судьбы Римом, и напасть на Константинополь с тыла – с Балкан. Если бы они преуспели, проложенный на карте полумесяц вокруг Средиземного моря замкнулся бы в полный круг.

Десять тысяч арабов и берберов ворвались во Францию, пронесли по Аквитании, сожгли Бордо и двинулись по старой римской дороге, ведущей от Пуатье к священному городу

²³ Хотя причиной поражения готов считалась Божья кара за их беспрестанные гражданские войны, Божий промысел увидели и в том факте, что изгнанные вожди отбросили былые распри, избрали единого правителя и основали королевство Астурия, ядро христианских государств, которые со временем начнут наступление на ислам. В 772 году первый король Астурии Пелайо одержал незначительную победу над берберами, которую позднее стали отождествлять с началом испанской Реконксты. «Я не стану водить дружбу с арабами, – вложил в его уста громкие слова один хронист, – не покорюсь я и их власти... Ибо мы полагаемся на милость Божию в том, что с невысокого холма, который перед вами, начнется возрождение Испании и армии готского народа». Постоянные и повторяемые притязания на преемственность между Испанией готов и новыми католическими королевствами помогали оправдать войну против ислама как возвращение Пиренейского полуострова его законным правителям. Joseph F. O'Callaghan. *Reconquest and Crusade in Medieval Spain* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2003), 5–6.

²⁴ Осады имели место в 674–678 и 717–718 годах. В 717 году к Константинополю подступила армия, насчитывавшая, согласно разным источникам, от 80 тысяч до 120 тысяч человек; с моря атаковали тысяча восьмисот боевых галер. Армию на суше тогда истребили голод, заморозки и болезни, «греческий огонь» уничтожил значительную часть флота, а оставшиеся корабли потонули во внезапно налетевшем шторме.

Туру. Ровно через сто лет после смерти Мухаммеда мусульманская армия стояла в каких-то 150 милях от ворот Парижа.

В тумане войн, окутавшем Европу темных веков, известия об эпохальных событиях, разыгрывавшихся в дальних пределах Средиземноморья, приносил ненадежный ветер слухов. Сама мысль о том, что эти дальние раскаты грома предвещают молниеносный удар в самое сердце христианства, казалась невероятной, почти непостижимой. Но вот армия в тюрбанах, воодушевляемая чужой верой, скачущая под незнакомыми флагами под рев неведомых рожков и нестройное бряцанье цимбал, выкрикивает пугающие проклятия на чужом языке и все быстрее движется по осенним полям Франции.

Тот день 732 года стал поворотным в истории ожесточенной борьбы между исламом и христианством²⁵. На подступах к Пуатье армии ислама натолкнулись на недвижимую стену косматых, полных решимости франков (западногерманского племени, уже давно поселившегося на римской территории), возглавляемых человеком по имени Карл Мартелл, – вторая часть его имени на самом деле прозвище, означающее «Молот»²⁶. Когда волна арабской конницы ударила в передние ряды, строй пехоты прогнулся, но не прорвался. Тактика арабов, на протяжении целого столетия приносившая поразительные плоды – смять передние ряды, рассеять противника, выпуская тучу стрел, вернуться и, окружив сбитые с толку, разрозненные небольшие отряды, добивать врагов по одному, – впервые провалилась, и тела мусульман горами громоздились у франкских щитов²⁷. Спорадические схватки продолжались до самой ночи, но к утру уцелевшие завоеватели истаяли, отхлынули назад в Испанию.

Десятилетиями огромные исламские армии будут снова и снова маршировать через Пиренеи, они на короткий срок дойдут до Альп и заставят Молота опять ринуться в бой. Когда пыл завоевателей наконец угас, причиной этому послужила скорее ожесточенная борьба за власть²⁸ среди десятков тысяч арабских и берберских иммигрантов, которые наводнили Испанию, чем воинская доблесть западного христианства. Но даже тогда мусульманские разбойники контролировали переходы через Альпы (их величайшей добычей стал аббат монастыря Ключни, самого богатого во всей Европе, чье похищение принесло им огромный куш²⁹), а мусульманские пираты хозяйничали на море, тогда как христиане, как злорадствовал визирь одного халифа, «даже доску на воду не способны спустить»³⁰. Но на западе битву при Пуатье будут помнить как поворотный момент.

²⁵ Западная традиция приписала битве при Пуатье значение, не замеченное ни арабскими писателями, ни историками-ревизионистами. Однако в трудах по истории возникновения Европы Пуатье играет первостепенную роль. В главе 52 «Упадка и разрушения Римской империи» Эдуард Гиббон выдвинул знаменитое предположение, мол, если бы исход битвы повернулся иначе, «толкование Корана, возможно, преподавали бы сегодня в колледжах Оксфорда, а его проповедники демонстрировали бы обрезанным святость и истину откровений Мухаммеда». См.: Maurice Mercier & Andre Seguin. Charles Martel et la Bataille de Poitiers (Paris: Librairie orientaliste Paul Geuther, 1944); Jean-Henri Roy & Jean Deviosse. La Bataille de Poitiers (Paris: Gallimard, 1966).

²⁶ Карл Мартелл был величайшим в длинной череде дворцовых майордомов VII и VIII веков, являвшихся истинной силой за тронем французских королей династии Меровингов. Мартелл, побочный сын майордома Пепина Геристальского, безжалостной рукой подавил беспорядки, возникшие после смерти Пепина, и объединил под своей властью большую часть земель, составляющих сегодняшнюю Францию, Западную Германию и Нидерланды. В 751 году его сын, также Пепин, при поддержке папы римского захватил наконец трон.

²⁷ Арабский маневр, известный как «карр-ва-фарр» – «атаковать и отойти», был непрактичным в столкновении с европейскими солдатами, отягощенными тяжелыми шлемами, доспехами и щитами. См.: Hugh Kennedy. The Armies of the Caliphs: Military and Society in the Early Islamic State (London: Routledge, 2001); David Nicolle. Armies of the Muslim Conquest (London: Osprey, 1993).

²⁸ Уже в 807 году правитель Толедо пригласил на пир в своем дворце сотни видных мятежников и приказал отрубить гостям головы, а тела бросить в заранее выкопанную яму; это кровавое событие вошло в историю как «Ла Хорнада дель Фосо» – «День ямы», или «Толедская ночь».

²⁹ Аббат Ключни Майель был похищен в 972 году.

³⁰ Ибн Хордадбех, «Книга путей и стран», цитируется по: Jack Turner. Spice: The History of a Temptation (New York: Random House, 2004), 96.